

АРТЕМ САВЕНКОВ

ВТОРАЯ ЦЕНА

— РОМАН —

Артем Савенков

Вторая цена

<https://litres.ru/74624113>

SelfPub; 2026

Аннотация

В двадцать лет Алина Воронцова считала красоту своим единственным шансом выбраться из бедности. Брак с московским миллиардером казался счастливым билетом. Но после его смерти выясняется: дом ей не принадлежит, друзья больше не берут трубку, а родная сестра присвоила все сбережения.

Северная вахта, склад, комната в общежитии. Алина заново учится работать, доверять людям и говорить «нет». Рядом появляется мужчина, которому важно услышать её ответ. Впервые будущее начинает зависеть от неё самой.

Именно тогда обнаруживаются деньги покойного мужа - и документы о гибели людей. Те, кто распорядился её жизнью, снова предлагают помощь. В обмен на одну подпись.

«Вторая цена» - роман о предательстве самых близких и любви, которая выдерживает правду. О женщине, которой предстоит понять, сколько стоит её молчание - и чем она больше не согласна платить.

Содержание

Пролог	5
Часть первая Чужой дом	8
Глава 1 Девушка у стекла	8
Глава 2 Хорошие новости	17
Глава 3 Женщина с ключом	22
Глава 4 Подпись	27
Глава 5 Место за столом	31
Глава 6 Деньги сестры	39
Глава 7 Пропущенный звонок	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Артем Савенков

Вторая цена

Артем Савенков

Вторая цена

Роман

Все персонажи и компании в романе вымышлены

Пролог

Мужчина положил на стол две папки. Зелёная была тонкой, серая раздувалась от закладок. Его запонки стоили примерно столько, сколько Алина заработала за четыре месяца. Она посмотрела на руки: на указательном пальце белел след от недавно снятого пластыря.

- Здесь всё, о чём мы говорили. Выплата в течение пяти рабочих дней. Никаких дальнейших обязательств с вашей стороны.

- А в серой?

Он улыбнулся, словно она спросила, зачем в ресторане два вида вилок.

- Это материалы для юристов. Вы всё равно ничего в них не поймёте.

Из окна гостиничного переговорного зала был виден кусок Москвы, в которой она когда-то жила: стеклянная стена, мокрая крыша, ресторанная вывеска. На улице было начало ноября. Её собственный пуховик, слишком тёплый для города, лежал на соседнем стуле.

Пять миллионов. Можно забыть комнату, где сосед кашляет до рассвета, не возвращаться на Север. Пригласить Илью в ресторан и наконец перестать чувствовать, как он незаметно пододвигает к ней свою половину хлеба.

Алина перевернула лист. Внизу, над местом для подписи,

стояла знакомая формулировка: «Подтверждает отсутствие каких-либо требований».

- К кому?

- Там перечислены организации.

- И люди.

- Юридические лица представляют люди, - терпеливо объяснил мужчина.

Она достала телефон. Он впервые перестал улыбаться.

- Ничего фотографировать не нужно. Вам вышлют окончательную редакцию.

- Тогда я подожду окончательной редакции.

Он сел глубже, приблизил к себе серую папку. Всего на несколько сантиметров. Но Алине вспомнилась смена на складе: мастер точно так же прикрыл накладную ладонью, когда она попросила показать вторую страницу.

- Послушайте, - сказал он уже без прежней мягкости.

- Ваш муж оставил после себя достаточно несчастных людей. Мы предлагаем вам выйти из этой истории с деньгами. Неужели хотите стать ещё одним?

Когда-то она согласилась бы сразу. Испугалась бы выглядеть глупой, не стала задавать второй вопрос. Алина почти увидела себя прежнюю - молодую, в платье, которое нельзя стирать самостоятельно.

- Папку оставьте, - сказала она.

Мужчина посмотрел ей в лицо внимательнее, чем за всё время встречи.

- Вы хотя бы понимаете, с чем связываетесь?
- Ещё нет. Поэтому и не подписываю.

Часть первая Чужой дом

Глава 1 Девушка у стекла

Шесть рублей Алина сэкономила, если называла кондуктору не ту остановку. Она знала, на какой из остановок женщина отворачивается к водителю, и всё равно всякий раз стыдилась, проходя мимо неё к выходу. В последнее время стыд стал слишком дорогим: мать ждала обследования, отец третий месяц чинил чужие машины без постоянной работы, а на практике в цветочном Алине недоплатили две тысячи.

В бухгалтерии магазина её посадили рядом с открытым окном. Начальница объясняла быстро, показывала на монитор ногтем и сердилась, если Алина уточняла то, что уже было сказано. На четвёртый день она ввела сумму в столбец количества. Ошибку заметили до отправки, но начальница вызвала кассиршу, чтобы и та посмотрела.

- Ты хоть понимаешь, что здесь написано? Голова тебе для чего?

Алина улыбнулась. Она давно пользовалась этой улыбкой, когда не знала ответа. Начальница отодвинула клавиатуру.

- Вот этим тебе и надо зарабатывать.

После смены Алина стояла на остановке, держала пакет с обувью и пыталась определить, сколько времени потребу-

ется, чтобы забыть голос этой женщины. Ей было двадцать. Через два месяца она должна была получить диплом товароведа. В училище считали, что она устроится удачнее других: директор любил говорить на родительских собраниях, что внешность тоже помогает в торговле.

Дома пахло жареной картошкой. Мать сидела за кухонным столом, подложив под больную ногу перевёрнутый таз, отец возился у плиты в куртке: так и не успел раздеться после гаража. В маленькое окно падал вечерний свет, на стекле были видны полосы от тряпки.

- Есть будешь? - спросил отец.

Алина сказала, что не хочет. Сняла обувь в прихожей, аккуратно поставила пакет за шкаф, чтобы мать не стала смотреть на стёртые пятки.

- Значит, я пожарил себе три порции. Тоже неплохо.

Она всё-таки села. Отец подвинул тарелку, вытер руки о полотенце. На большом пальце у него чернела полоска смазки, которую невозможно было отмыть обычным мылом. Мать спросила про практику. Алина уставилась в картошку.

- Нормально.

- Деньги обещали отдать?

- Потом.

Мать стала объяснять, что торопить людей нельзя: сначала надо показать себя, привыкнуть, тогда будут относиться иначе. Алина слушала и чувствовала, как поднимается злость - не на мать, а на самую необходимость снова оказаться терпе-

ливой. Она пробовала показать себя в трёх местах, и всякий раз выходило, что показывать особенно нечего.

- Я, наверное, туда больше не пойду.

Отец выключил газ. Кухня сразу стала тише.

- Кто-то что-то сказал?

Она помотала головой. Если пересказать слова начальницы, придётся услышать их ещё раз. Мать потянулась за хлебом и не дотянулась. Алина поднялась, подала, поправила подушку на табуретке. У матери распухли щиколотки; колготки оставляли на них глубокую сетку.

- Может, полежишь?

- Да я весь день лежу. Сидеть тоже надо.

После ужина Алина мыла посуду. Из крана вода то шла слишком горячая, то сразу становилась холодной. Она научилась ловить короткий промежуток между ними. В комнате родители смотрели новости, убавив звук, чтобы не мешать ей заниматься. Никто не знал, что заниматься сегодня она не сможет.

Ночью позвонила Лера. Говорила о Москве, о комнате у знакомой, о курсах, куда надо хотя бы посмотреть. Алина стояла в прихожей, где лучше ловило, и перебирала пальцем края старых обоев.

- Я без денег, - сказала она.

- Я тоже не с деньгами. Я с планом.

- У тебя каждый месяц план.

- Зато не скучно. Поехали, Алин. Три дня. Здесь ты и че-

рез неделю успеешь расстроиться.

Она хотела сказать, что не расстроилась, и вдруг поняла: Лера хотя бы не просит потерпеть ещё немного.

Поездку в Москву оплатила Лера. Вернее, предложила ехать вдвоём и дала деньги на билет до следующей стипендии. Ей хотелось на курсы визажистов; Алине хотелось оказаться в городе, где никто ещё не знает, как легко её поставить в тупик.

В дорогу мать дала яйца, огурцы и хлеб, нарезанный так толсто, будто поезд шёл на другой конец света. Отец донёс сумку до платформы, постоял возле окна. Когда состав тронулся, долго шёл рядом, хотя махать было уже поздно и неудобно.

Лера сразу разложила на столике косметику. Обещала попробовать на Алине новую технику и через полчаса рассердилась на качку: стрелка с одного глаза не желала соответствовать другой. Проводница посмотрела на них, сказала, что у неё дочь тоже всё рисует себе разные брови.

- Это не брови, - объяснила Лера.

- Я вижу. Но переживаете так же.

В Москве они долго искали нужный выход. Чемодан Леры застрял между створками турникета; Алина тянула с одной стороны, дежурная вздыхала с другой. В метро пахло тёплой пылью и кофе. Люди проходили мимо быстро, не оборачиваясь, и это сначала пугало, потом стало нравиться. Здесь никто не знал ни её оценок, ни начальницы из магазина, ни

того, как у матери не хватает сил дойти до поликлиники.

Комнату им дали узкую, с окном на глухую стену. На подоконнике стояли чужие банки, в коридоре сушились две рубашки. Лера сразу объявила, что жить здесь невозможно, но пока сойдёт. Алина положила на полку огурцы и подумала, что комната, в которой от неё ничего не ждут, вполне подходит для начала.

На второй вечер Лера встретила знакомого с машиной и попросила не ждать. Алина пошла по центру, стараясь не выглядеть туристкой. Она уже убедилась, что здесь даже простые булочки продают так, будто покупатель должен понимать их происхождение. У ресторана с высокими тёмными окнами остановилась женщина в светлом платье. Из машины за ней выбрался мужчина, подал руку; каблук женщины на секунду зацепился за щель, и она засмеялась, не испугавшись испортить ни обувь, ни ткань.

Алина засмотрелась. Ей представилось, каково это - не беречь вещь сразу после покупки.

- Девушка, вы к кому? - спросил швейцар.

- Ни к кому. Просто смотрю.

- У входа не надо.

Она шагнула назад и едва не столкнулась с человеком в сером пальто. Тот придержал её за локоть и сразу отпустил.

- Пусть смотрит, Николай. Ресторан пока не секретный объект.

Швейцар сказал: «Конечно, Виктор Николаевич». Муж-

чина был крупным, седым у висков, с тяжёлыми веками. Он напоминал не того богатого человека, которого Алина видела в кино, а врача, вышедшего после долгой операции покурить.

- Красивое платье, - сказала она, объясняя своё присутствие.

- Вы бы такое надели?

- Сначала узнала бы, можно ли в нём сидеть.

Он рассмеялся. Алина почувствовала облегчение: значит, не показалась совсем нелепой.

- Зайдём, проверим?

- Нет, спасибо.

Отказ прозвучал резче, чем она хотела. Он не приблизился и не начал объяснять, сколько девушек мечтало бы о подобном приглашении. Сказал, что его зовут Виктор, спросил её имя. Потом попросил номер. Алина продиктовала, пока ещё помнила, как звучит его смех, и сразу пожалела.

Вечером он позвонил. Она сидела на краю раскладного дивана в Лериной комнате и пришивала оторвавшуюся пуговицу.

- Вы завтра уезжаете? Тогда хотя бы поужинаем сегодня.

- У меня есть еда.

- Это серьёзное препятствие. Какая?

Она посмотрела на пакет с гречкой быстрого приготовления.

- Нормальная.

- Тогда предложу ненормальную. Обещаю, вы сами решите, когда уйти.

Перед выходом Алина отправила Лере адрес ресторана и номер мужчины. На всякий случай сфотографировала подъезд. Ей было страшно; страх, однако, соседствовал с возбуждением, от которого она три раза переделала хвост.

Виктор ждал у окна. Когда она подошла, он встал. Этого ещё никто для неё не делал.

За ужином он слушал, как она рассказывает про мать, про училище, про отцовский гараж. Алина не поняла двух слов в меню. Он объяснил без улыбки и заказал себе то же самое. На телефоне несколько раз высветилось «Инна»; он перевернул его экраном вниз.

Потом официант принёс тарелки, на которых еды оказалось меньше, чем свободного места. Алина не знала, куда деть руки. Положила салфетку на колени, как сделала женщина за соседним столом, и осторожно взяла вилку.

- Вам не нравится? - спросил Виктор.

- Я ещё не пробовала.

- Тогда почему такой вид?

- Стараюсь понять, с какого края начинать.

Он подвинул свою тарелку.

- Показывайте, что вызывает подозрения. У меня тоже не всё получается с первого раза.

Она указала на маленькую зелёную горку. Он объяснил, попробовал сам, признался, что дома предпочитает картош-

ку. С этой картошки разговор и стал легче. Алина рассказала, как отец однажды посадил её на даче в несколько слоёв, потому что прочёл совет в газете. Выросло мало, зато выкапывали до темноты. Виктор смеялся и спрашивал подробности, которые обычно никто не хотел слушать.

- А вам сколько лет? - вырвалось у неё.

Он не обиделся.

- Пятьдесят три. Я мог бы соврать на три года, но не вижу смысла.

- Я не поэтому.

- А почему?

Она задумалась.

- Вы слушаете так, будто у вас времени много.

Виктор посмотрел на часы, потом снял их и положил рядом с телефоном.

- На сегодняшний вечер хватит.

За стеклом проехала уборочная машина. Две женщины у стойки спорили из-за гардеробного номера, официант пытался помочь, не переставая улыбаться. Мир вокруг продолжал заниматься мелкими делами. Алина следила за каплей на своём стакане и всё меньше чувствовала, что должна непременно сказать что-то достойное этого стола.

Когда она отказалась от десерта, Виктор не стал уговаривать. Заказал один и попросил две ложки. Она попробовала лишь потому, что он уже успел испачкать край тарелки и десерт перестал выглядеть выставочным.

Уже в машине, которую он вызвал для неё, Алина увидела сообщение: «Спасибо. Давно не проводил вечер так спокойно».

Она положила телефон на колени и впервые подумала, что, возможно, спокойствие - вещь, которую умеет давать даже она.

Глава 2 Хорошие новости

Цветы привезли в Зареченск во вторник. Доставщик долго стоял у подъезда: домофон не работал, а в телефонном справочнике их двор всё ещё числился под старым номером. Мать поставила букет в ведро, потому что ни одна ваза не подходила. Отец спросил, можно ли вернуть деньги вместо цветов.

- Папа!

- Что папа? Красиво, конечно. Только цветы не едят.

Позже он осторожно снял с лепестка кусок упаковки. У него были толстые пальцы, которыми он умел доставать из двигателя почти невидимые гайки. Алина смотрела на них и ждала, что он ещё что-нибудь скажет. Но отец спросил лишь, знает ли она этого человека.

- Мы разговаривали.

- Это хорошо. Только разговоры дешевле всего обходятся.

Марина приехала после работы, в форменной блузке стоматологической клиники. Она была старше на семь лет и успела к этому возрасту стать человеком, которому звонят, когда нужен рецепт, справка или мастер по батареям. Подошла к ведру, прочла карточку.

- Он тебя уже нашёл? Адрес откуда?

- Я сама дала. Для цветов.

- Ну хорошо. Для цветов.

Алина ждала насмешки, но сестра обняла её. От Марины пахло медицинским мылом и морозом.

Первую неделю они разговаривали почти каждый день. Не подолгу: Виктор звонил между встречами, у Алины шли занятия. Иногда у них получалось только переспросить, как дела, и обещать перезвонить. Но она стала ждать и этих коротких разговоров.

Однажды он позвонил, когда она чистила ванну. Услышал плеск, спросил, где она плавает. Алина объяснила про трубу, из которой течёт после каждого включения воды. Виктор предложил прислать мастера. Она отказалась: отец уже договорился с соседом.

- Он третий месяц договаривается, - сказала мать из кухни.

Виктор услышал и засмеялся. Алина разозлилась на мать, а вечером поймала себя на том, что пересказывает ей его шутку. Теперь у них появился человек, которого обсуждали после новостей.

На занятиях она несколько раз убирала телефон под тетрадь. Преподавательница заметила, заставила ответить по теме. Алина не вспомнила термин, услышала сзади смешок. После пары сидела на ступеньках и не хотела никуда идти. Виктор спросил сообщением, как день. Она впервые написала ему не «хорошо», а «не получилось».

Он позвонил вечером, когда родители уже спали. Она говорила шёпотом, объясняла, что забывает слова, если на неё

смотрят. Виктор предложил рассказать ему тему так, как запомнила. Слушал минут пятнадцать, один раз прервался на другой звонок, вернулся и спросил, чем отличается хранение от приёмки.

- Это ты сейчас специально?

- Нет. Я и правда не понял, где одно заканчивается.

Она объяснила ещё раз. На следующем занятии ответила лучше, чем ожидала. Поблагодарить его постеснялась: слишком детским казалось признание, что мужчина с таким количеством собственных дел помог ей выучить один билет.

Через месяц Виктор пригласил её на выходные. Она сказала дома, что будет у Леры, и всю дорогу ругала себя за ложь. В Москве её встретил водитель. Гостиничный номер оказался больше родительской квартиры; перед ванной лежало полотенце, на которое, как выяснилось, разрешалось наступать.

Виктор приехал поздно. Принёс хлеб, сыр и бумажный пакет с помидорами.

- Я не знал, что вы любите.

- Вы могли спросить.

- Мог. Хотелось хотя бы в чём-нибудь обойтись без помощника.

Они ели на низком столике. Он рассказывал про юность в общежитии, где зимой окна заклеивали газетами. Алина перестала стесняться собственных историй. Когда он впервые коснулся её лица, она не отодвинулась. Ночью долго слуша-

ла его дыхание и удивлялась, что человек, который решает вопросы по телефону одним словом, во сне беззащитно открывает рот.

Утром она спросила про Инну. Он сидел на краю кровати, застёгивал часы.

- Моя жена.

Алина подтянула простыню к подбородку. Виктор замер, будто только теперь понял, какое значение имеет слово.

- Мы давно живём каждый своей жизнью.

- Но она знает, что вы здесь?

Он помолчал.

Алина уехала в тот же день. Не взяла конверт, который он попытался дать на вокзале. По дороге домой сочиняла фразы для Марины: одинокий, почти разведённый, сложные обстоятельства. Все фразы были похожи на объявления о продаже сломанной бытовой техники, где неисправность стараются назвать особенностью.

Виктор звонил три дня. На четвёртый прислал сообщение, что нашёл врача для её матери. Алина смотрела на него до конца пары. Потом вышла в коридор и набрала номер.

- Мама не имеет к этому отношения.

- Согласен.

- Вы не можете её покупать.

- Я могу оплатить обследование. Вы имеете право больше никогда со мной не встречаться.

На обследование они поехали втроем: мать, Алина и Ма-

рина. В клинике им не пришлось сидеть в очереди. Сестра всё время проверяла документы, словно ожидала подвоха в каждом приглашении пройти в кабинет. В гостинице мать заснула сразу; Марина разложила на столе назначения.

- Если будешь с ним, хотя бы не ври себе, - сказала она. - Он женат. Ты это уже знаешь.

- А если он меня любит?

- Тогда это должен будет узнать кто-нибудь кроме тебя.

Через неделю Алина встретилась с Виктором. Она готовилась потребовать развода, но он приехал с температурой, долго кашлял и уснул, положив голову ей на колени. Она осторожно убрала из-под него телефон. На экране было сообщение от жены: «Не забудь, в субботу у Даши день рождения».

Алина сидела неподвижно. Ей хотелось, чтобы он проснулся и сам сказал все нужные слова. Вместо этого она гладко, как в детстве сестре, провела ладонью по его волосам.

Глава 3 Женщина с ключом

Квартиру на Патриарших называли Алиной. «Отвезти Алину к Алине», говорил Виктор водителю, и тот улыбался. В документах собственником значилась компания, название которой она не запомнила. Ей дали два ключа, карточку от парковки и телефон женщины, занимавшейся уборкой.

После диплома она приехала с большой сумкой и картонной коробкой. В коробке лежали учебники, фен и чашка с отбитой ручкой. Домработница предложила выбросить чашку. Алина попросила оставить и потом весь день чувствовала себя неуместной из-за этой просьбы.

В первый свободный день она пошла за продуктами сама. Привычка покупать еду была старше привычки ждать водителя. В магазине взяла молоко, яйца, гречку и губку для посуды. Сначала искала, где дешевле, потом вспомнила, сколько денег лежит на карте, и всё равно продолжила сравнивать ценники. У кассы положила обратно ягоды: слишком маленькая коробочка за такую сумму.

Домработница застала её возле плиты. Звали женщину Раиса; она носила мягкие туфли и двигалась по квартире почти без звука.

- Вы готовить собрались?

- Да. Нельзя?

- Можно всё. Просто Виктор Николаевич обычно просит

заказывать.

Алина пожарила котлеты. Масло разбрызгалось на дорожную панель, вытяжка включилась не с первой попытки. Она запаниковала, стала вытирать горячую поверхность. Раиса отвела её руку, молча протянула другую тряпку.

- Не тем средством. Сейчас следы останутся.

- Извините.

- Да вы не передо мной извиняйтесь. Я к вечеру уйду. Вам тут дышать.

Алина посмотрела на неё и рассмеялась. Раиса тоже улыбнулась, помогла найти крышку.

Виктор приехал поздно. На вопрос, будет ли есть, сказал, что уже ужинал. Алина не стала объяснять про котлеты. Убрала контейнер в холодильник, потом вернулась проверить, плотно ли закрыт. Ночью проснулась от света на кухне. Виктор стоял босой у открытой дверцы и ел прямо из контейнера.

- Ты же не хотел.

- Тогда не хотел.

Она нашла тарелку, разогрела. Они сели рядом на высокие стулья. Виктор спросил, что случилось с вытяжкой: Раиса оставила записку про фильтр. Алина начала оправдываться, но он только махнул рукой.

- Завтра поменяют. Вкусно получилось.

Утром она отнесла две котлеты Раисе. Та сначала отказалась, потом достала из сумки собственный контейнер. За

несколько минут у Алины появился в квартире человек, с которым можно было обсуждать обычные вещи, не боясь произнести их недостаточно красиво.

Виктор приходил три или четыре раза в неделю. Иногда оставался до утра, иногда уезжал после звонка. Она научилась отличать его шаги от шагов курьера, просыпалась от лифта и перестала начинать фильмы вечером: он мог приехать посередине. Когда Алина пожаловалась Лере, та сказала, что другие девушки годами добиваются такой жизни.

Жизнь была хорошая. В ней можно было записать мать к нужному врачу, купить отцу подъёмник для гаража и отправить Марине деньги на ремонт кухни. Алина представляла, как в Зареченске теперь про них говорят: девочка устроилась. По утрам, когда Виктор ещё спал, она фотографировала в зеркале свои платья; выкладывала только те снимки, на которых не было видно мужских вещей.

Инна пришла в среду. Алина открыла, думая, что принесли заказ. Женщина стояла у двери в простом тёмном пальто и держала ключ.

- Он не поменял замок, - сказала она. - Удивительно.

Алина отступила. Инна вошла, осмотрела прихожую, задержала взгляд на чужих туфлях.

- Вам сколько?

- Двадцать один.

Женщина кивнула. Эта цифра как будто подтвердила расчёт, который она уже произвела.

- У меня две дочери. Младшая старше вас. Не потому говорю, что надеюсь вас пристыдить. Просто он предпочитает об этом не упоминать.

Алина почувствовала, что начинает улыбаться своей глухой защитной улыбкой, и прикусила губу.

- Мы собирались вам сказать.

- Кто - мы?

Вопрос был произнесён спокойно, и ответить оказалось нечего.

Инна прошла к окну. На подоконнике стояли цветы, подаренные Виктором. Она коснулась сухого листа, отломив его.

- Эту квартиру я нашла, - сказала она. - Он тогда хотел место, где сможет работать без поездок домой. Смешно, правда?

- Мне не смешно.

- Мне тоже.

Они впервые посмотрели друг на друга без защиты. Инна была не дамой из страшной истории про богатую жену. У неё дрожала мышца на щеке. Алина заметила это и сразу захотела не замечать: чужое горе мешало её собственной любви выглядеть невинной.

Когда Инна ушла, она позвонила Виктору. Тот приехал через сорок минут. Выслушал, спросил, угрожала ли жена, проверил телефон.

- Значит, началось.

- Что началось?

- Развод. Она нашла переписку. Кто-то помог.

Алина ждала, что он спросит, как она сама. Виктор ходил по комнате и говорил о долях, старых соглашениях, людях, которые воспользоваться ситуацией. Потом остановился, обнял её и сказал, что никуда не отпустит.

- А я куда-то собиралась? - спросила Алина.

Он не ответил. Крепче прижал её к себе.

Следующие месяцы проходили в закрытых кабинетах, о которых она узнавала по его настроению. Инна действительно пыталась добиться гораздо большего, чем Виктор был готов отдать; полученное не походило на полную победу ни одного из них. У неё остались собственные активы, часть долей и дом, где выросли дочери. Алина слышала от мужа только: «Она хотела всё. Не получилось».

В день, когда развод завершился, он положил перед ней коробочку с кольцом. Она радовалась так сильно, что не спросила, почему впервые видит его счастливым именно после чужого поражения.

Глава 4 Подпись

Юрист разговаривал с Виктором, хотя документ предстояло подписывать Алине. Он ссылался на прежнюю редакцию, называл номера пунктов, один раз спросил у неё, прочитала ли она текст. Алина сказала «да» и тут же пожалела: она прочитала слова, но не поняла, что произойдёт с ней, если всё сложится плохо.

- Это на случай развода? - спросила она.

- В том числе. Режим имущества, порядок расходов, разграничение обязательств.

- А если Виктор умрёт?

Он поднял глаза. Виктор сидел у окна, смахивал что-то с рукава.

- Наследование регулируется другими документами, - ответил юрист. - Сейчас предмет договора иной.

Алина посмотрела на мужа. Он улыбнулся:

- Я пока не собираюсь. Не бойся.

В документе говорилось, что бизнес и приобретения каждого принадлежат тому, на кого оформлены. Квартира, где она жила, не становилась её квартирой. Про загородный дом тоже не было ничего, что она могла бы назвать своим. Юрист повторил, что соглашение разумно, учитывая разницу имущественного положения.

- Мне нужен другой юрист? - спросила Алина.

- Можете пригласить, конечно, - сказал Виктор.

Он сказал это так легко, что она почувствовала: приглашение будет выглядеть недоверием. До свадьбы оставалось три дня. Родителям уже купили билеты. Марина писала, что в новом платье не застёгивается молния.

Алина подписала.

Утром мать позвонила из гостиницы: уютг принесли, а вода из него течёт на платье. Алина приехала сама, хотя помощница предлагала всё решить. В номере было жарко. Отец сидел у окна в новой рубашке, придерживая воротник двумя пальцами. Марина стояла на коленях перед раскрытым чемоданом и искала нитки.

- У них набор в ванной, - сказала Алина.

- Уже смотрела. Там нитки цвета, которого на людях не бывает.

Платье всё-таки высушили феном. Мать попросила Алину застегнуть молнию, потом вдруг отвернулась к зеркалу и надолго замолчала. Алина видела их обеих: себя в светлом халате поверх нижнего белья, мать в новом, слишком нарядном для её сутулых плеч платье. Хотелось обнять, но та как раз поправляла ворот и не позволяла мешать.

- Ты хоть поела? - спросила мать.

- Потом поем.

- Вот и я потом. Все потом. В итоге отец один будет сытый.

Отец поднял пакет с булочками, который принёс с завтрака.

- Я на всех взял. Мне только сказали, что в номер нельзя.

Они ели стоя, крошили на гостиничное покрывало. Марина смеялась над отцом, тот объяснял, что не мог оставить еду, когда её всё равно приготовили. Алина отломала маленький кусок, чтобы не испачкаться. Она боялась сесть в платье, боялась помять волосы, опоздать; в комнате родителей вдруг стало легче.

Перед выходом отец попросил поправить ему галстук. Узел не получался. Алина пыталась вспомнить движение с картинки, Марина торопила, мать советовала совсем снять. В конце вызвали сотрудника гостиницы. Молодой человек сделал всё за несколько секунд и пожелал счастливого дня. Когда дверь за ним закрылась, отец посмотрел на галстук.

- Вот теперь прямо видно, кто у нас в семье умеет работать.

На этот раз рассмеялись все.

В загсе отец долго держал её руку. Виктор попытался шутить про отсутствие дождя, но отец повернулся к нему и сказал:

- Она обычно сама не попросит. Вы уж смотрите.

- Не обижу, - ответил Виктор.

Фотограф попросил всех улыбнуться. Марина поправила Алине воротник. На одном снимке они получились почти одинаковыми, только у сестры лицо было усталым, а у Алины испуганно радостным.

После ужина отец вышел на террасу. Алина нашла его воз-

ле газового обогревателя. Внизу, за оградой ресторана, шла девушка с пакетом продуктов.

- Хороший он с тобой? - спросил отец.

- Очень.

- Тогда хорошо.

Он достал из кармана маленький складной нож, подаренный ему когда-то на заводе, и протянул дочери.

- Зачем?

- Ты всё коробки ножницами мучаешь. Пусть будет.

Она рассмеялась. Подарок не имел отношения к свадьбе, к платью, к новой жизни. Алина положила нож в сумочку рядом с помадой и позже, на первом светском ужине, смутилась, когда искала телефон и он выпал на скатерть.

Виктор тогда сказал, что такое лучше оставить дома. Но нож она сохранила.

В новую спальню они приехали после полуночи. За стеклом начинался сад, подсвеченный снизу; листья казались сделанными из воска. Виктор уснул быстро. Алина долго ходила босиком по комнате и трогала выключатели. Один открывал шторы, другой включал свет за зеркалом, третий делал что-то неизвестное.

Она подумала, что теперь должна стать женщиной, которая умеет жить здесь естественно. На письменном столе осталась копия договора. Алина убрала её в нижний ящик, не открывая: сегодня ей хотелось верить, что день закончился хорошо.

Глава 5 Место за столом

На ужине у Беловых ей досталось место между женщиной с жемчужной брошью и пустым стулом. Стул предназначался человеку, которого задержали в аэропорту. Виктор сразу ушёл с Павлом Беловым в кабинет. Он сказал: «Ты пока познакомься», - словно знакомство можно было совершить самостоятельно, как прогулку по саду.

Женщина спросила, какая у Алины фамилия до замужества. Узнав, что она её сохранила, кивнула: «В наши дни многие так делают». Затем заговорила через неё с соседкой. Алина какое-то время сидела, стараясь не мешать разговору о школе в Швейцарии, потом заметила, что приборы возле отсутствующего гостя убрали и его место больше не кажется пустым. Её собственное присутствие не вызывало у окружающих больших неудобств.

Ужин подавали медленно. Вначале Алина решила, что официанты ждут опоздавшего, потом поняла: торопиться здесь не принято. Она наблюдала, как женщины двигают бокалы, как оставляют недоеденное, как спокойно просят заменить слишком холодную воду. Дома её учили не создавать людям лишней работы. Здесь работу создавали без раздражения, просто потому, что для этого кто-то стоял рядом.

- Вам салат не понравился? - спросила хозяйка, заметив, что Алина почти не ест.

- Понравился. Я просто...

Она хотела сказать, что не знает, можно ли взять ещё хлеба, но не смогла. Хозяйка сама протянула корзинку и уже через секунду отвлеклась на другого гостя. В этом не было ни особенной доброты, ни неприязни. Алина поняла, что от неё пока вообще мало что зависит, и почему-то от этого стало ещё тоскливее.

Женщина с брошью рассказала соседке про внука, который отказался есть в школьной столовой. Алина слушала историю с облегчением: еду она хотя бы могла обсуждать.

- У нас племянник тоже всё выбирает. Марина говорит, если не давать печенье перед обедом...

- Там другой случай, - мягко сказала женщина. - У него индивидуальное меню.

Она повернулась обратно. Алина кивнула, будто поняла разницу. Протянула руку к воде, задела нож. Тот упал на пол слишком звонко. Официант принёс новый раньше, чем она успела нагнуться. Она поблагодарила, потом ещё раз, и поняла по соседскому взгляду, что с благодарностью тоже можно перестараться.

В туалетной комнате другая женщина подставляла запястье под холодную воду.

- Моллюсков не ешьте, - сказала она. - У Светланы всякий раз один и тот же поставщик и всякий раз вера в лучшее.

Алина засмеялась неожиданно громко.

- Лиза, - представилась женщина. - Ты новенькая? Можно

на ты? Мне так проще врать, что мы одного возраста.

Лизе было тридцать пять; Алина дала бы меньше. Она умела смотреть на платье собеседницы так, чтобы та чувствовала себя замеченной, а не оценённой. Её муж занимался нефтяными перевозками, и это был его третий брак.

- Эти всегда сначала проверяют, - сказала Лиза, поправляя Алине выбившуюся прядь. - Жена ты надолго или можно не запоминать имя.

- Я жена.

- Это они тоже когда-то говорили.

Лиза отвела её к молодым женщинам возле бара. Одна ждала развода своего мужчины уже пятый год, другая изображала, что не ждёт. Третья, Оксана, была законной супругой человека в списке богатейших и всё равно внимательно слушала разговор про квартиры, оформленные на компании.

- У меня хотя бы салон свой, - сказала Оксана. - Ненавижу его, но мой.

Алина не понимала, зачем ненавидеть дело и продолжать им заниматься. Лиза спросила, что у неё самой есть.

- Всё.

Оксана и Лиза посмотрели друг на друга. В этой короткой паузе Алина почувствовала прежний холод. Только Лиза улыбнулась без насмешки:

- Хорошо. Тогда начни с чего-нибудь небольшого. Что-нибудь должно принадлежать лично тебе.

Домой они ехали молча. Виктор снял галстук и закрывал

глаза на каждом светофоре. Алина сказала, что хочет работать.

- Где?

- Пока не знаю. Можно в вашем офисе. Я товаровед.

Он улыбнулся:

- Мы не магазин. Тебе будет скучно. Давай лучше язык подтянешь. Путешествовать легче.

- А если мне не будет скучно?

Виктор посмотрел на неё, будто она неожиданно заговорила на этом самом языке.

- Алин, мы весь вечер обсуждали работу. Хоть с тобой можно без этого?

Она замолчала. Уже у дома он положил ладонь ей на колено, извинился за усталость и спросил, не обидели ли её женщины. Она ответила, что всё хорошо. Ей хотелось хотя бы в чём-то не создавать ему дополнительных забот.

Ночью Виктор не мог уснуть. Она принесла воду, нашла его таблетки, посидела рядом. Он рассказал, что в детстве боялся не темноты, а стука в дверь: отца несколько раз забирали после драк. В доме всегда ждали, что кто-нибудь придёт требовать.

- Поэтому всё время строишь заборы? - спросила она.

Он удивился, потом рассмеялся и поцеловал её руку.

- Вот за это и люблю. Никому бы в голову не пришло.

Алина лежала рядом и испытывала настоящую нежность. Утренний разговор про работу уже казался ей мелкой, почти

капризной попыткой испортить то хорошее, что между ними было.

Через неделю в её расписании появились занятия английским, спортзал и консультация косметолога. Работы в нём не появилось.

Преподавательницу звали Ольга. Она приезжала в дом с потёртой папкой, снимала туфли у входа и каждый раз спрашивала, можно ли на кухне налить воды. Алина сначала предлагала кофе, потом перестала: Ольга действительно хотела только воду.

Первое занятие оказалось трудным. Нужно было рассказать о себе простыми фразами. Имя, возраст, город. На вопрос о работе Алина запнулась. Ольга предложила слово «домохозяйка», написала его, попросила повторить. Алина почувствовала себя предметом, которому наконец нашли этикетку.

После урока она спросила, можно ли заниматься чем-нибудь полезнее путешествий. Перепиской, например. Или учётом.

- Можно всем. Только сначала всё равно придётся пройти основы. Вы куда торопитесь?

Алина не знала, как объяснить. Сказала, что давно ничего не умеет.

- Это не ответ, - заметила Ольга. - Вы приготовили чай, нашли мои распечатки, записали три занятия без путаницы. С тем, что не умеете, будем разбираться отдельно.

Алина посмотрела на неё с недоверием: настолько мелкие умения раньше никто не засчитывал. Ольга попросила открыть учебник, задала домашнее задание и уехала. Не пыталась стать подружкой, не интересовалась Виктором.

Занимались несколько месяцев. Иногда Алина отменяла урок из-за поездки, иногда сама пряталась за усталость. Ольга не ругала, но неизменно возвращала к тому месту, на котором остановились. Медленное продвижение раздражало. Хотелось уже знать язык, как можно было уже иметь платье, если позвонить помощнице и назвать размер.

Среди тех месяцев было воскресенье, которое она потом вспоминала, когда злилась на мужа. Водителя отпустили, помощница не приезжала. Виктор нашёл в кладовке старый мангал и полчаса пытался собрать, не желая признаться, что никогда этого не делал. Алина читала ему инструкцию. Увидев, что он прикручивает ножку не к тому отверстию, прыснула.

- У вас ведь строительная компания, Виктор Николаевич.
- Поэтому я и не подпускаю себя к стройке.

К обеду мясо обуглилось с одной стороны и осталось сырым с другой. Они ели хлеб с огурцами. Виктор снял часы. На запястье белела полоска; Алина заметила, как сильно он загорел за неделю, когда они ездили вместе.

- Хорошо, - сказал он. - Надо иногда всё отменять.

Она сидела в его старом свитере, слишком длинном в рукавах. В саду ещё не включили полив, пахло пылью и про-

гретыми досками. Так можно было бы жить, если бы денег было меньше, думала Алина. Не знала, что тогда, возможно, не было бы ни сада, ни времени, ни их встречи. Хотелось верить, что самое дорогое между ними существует отдельно от остального.

- Я хочу ребёнка, - сказала она.

Виктор посмотрел на мангал, будто там ещё надо было что-то исправить.

- Сейчас?

- Не сегодня. Вообще.

Он придвинул к ней тарелку.

- Я плохой молодой отец. Старым буду ещё хуже.

- Ты не такой старый.

- Когда он пойдёт в школу, я буду. Мне страшно это снова начинать.

Она ждала продолжения - что ради неё он всё же готов. Виктор молчал. Впервые говорил о своём страхе, не предлагая ей способа его устранить.

- А если мне страшно не начинать?

Он долго смотрел на неё.

- Давай не сейчас. У нас только получилось хорошо посидеть.

Алина сняла с его плеча сухую травинку. Захотелось ответить, что хорошо сидеть у них получается до первого её желания, которого он не заказывал. Но день был тёплый, Виктор не смотрел в телефон, и она не решилась разрушить эту

редкость.

Позже он сам заговорил о враче и записал их на консультацию. В день приёма изменились планы; новую дату выбирала помощница, потом Алина уехала к матери, потом случилась ещё какая-то срочность. Никто не произнёс окончательного отказа. Просто её желание отодвигалось в календаре, где для чужих дел место находилось всегда.

Глава 6 Деньги сестры

Лиза принесла на обед тёмные очки, хотя они сидели в помещении. Сказала, что не выпалась. Позже, поправляя волосы, повернулась боком, и Алина увидела у неё возле виска маленькую полоску пластыря.

- Ты что, упала?

- Косметология. Не пугайся. Я ещё не умею падать настолько дорого.

Они заказали суп; Лиза почти не ела. Заговорила о знакомой, которой муж отменил дополнительные карты. Вчера знакомая покупала платье в Париже, сегодня просила у Лизы денег на такси.

- У тебя свой счёт есть?

- Есть карта.

- Чья?

Алина достала её. Лиза даже не стала смотреть.

- Если карту могут отключить без твоего согласия, считай, что это пропуск. Я про деньги, которыми распоряжаешься ты.

Вечером Алина открыла приложение своего банка и долго смотрела на маленькую сумму, оставшуюся со времён училки. Чтобы начать копить, ей не требовалось ни разрешения, ни чужого имени. Но ей казалось, что служба Виктора видит всё, что происходит вокруг него. Она однажды спро-

сила помощника, откуда водитель знает, что занятия английским закончились раньше; тот ответил: «Мы о вас заботимся».

Марина предложила счёт на своё имя.

- Мне никто карты не отключит. Будешь переводить, я складывать. У тебя только отдельная папка в телефоне будет, хорошо?

- А это можно?

- Ты мне даришь. Я тебе потом отдаю. Мы с тобой родные люди или чужие?

Алина облегчённо засмеялась. В этом объяснении не было пугающих терминов из брачного договора. Было детское «держи у меня», с которым она отдавала сестре деньги на школьную экскурсию, чтобы не потерять.

Она начала с пятидесяти тысяч. Потом отправила ещё сто. Виктор переводил на личные расходы гораздо больше, чем она тратила, если не следовала примеру женщин из своей новой компании. Необязательных покупок оказалось удивительно много. Впервые отказ от платья доставил ей удовольствие, которое не нуждалось в чужом взгляде.

Марина присылала выписки. В названиях переводов Алина писала «мои накопления», иногда - «на хранение». Никакого соглашения они не составили. Когда банковская сотрудница спросила Марину об источнике очередной крупной суммы, сестра предоставила документы и сказала Алине, что лучше впредь писать просто «семейная помощь».

Алина послушалась. Она не спросила, кто именно стал получателем этой помощи.

Когда сумма впервые стала семизначной, Алина приехала к сестре на два дня. Марина открыла в растянутой футболке, держа телефон плечом. Одновременно объясняла кому-то из пациентов, что врач в выходной не принимает, и показывала Алине, куда поставить сумку.

На кухне стояли банки с крупой, детская чашка без ручки и тарелка с недоеденным омлетом. Племянник сидел под столом и строил гараж. Алина наклонилась, спросила, можно ли въехать. Он серьёзно объяснил, что женские машины будут стоять отдельно, потому что так сказал папа. Марина закатила глаза.

- У нас теперь всё с порядком. Зубы бы ещё по порядку чистили.

Они пили чай, пока Олег возил сына в магазин. Алина спросила, не мешают ли сестре её переводы. Марина махнула рукой.

- Деньги лежат и лежат. Я на них не сижу. У тебя же в телефоне всё есть.

Она открыла приложение, показала сумму, потом спрятала телефон, потому что на него снова звонили из клиники. Алина не стала рассматривать номер счёта. Ей было почти неловко, что попросила доказательство у человека, который когда-то отдавал ей последнюю половину школьного завтрака.

Вечером сёстры вместе мыли чашки. Марина рассказывала о капризном враче, о родительском чате, об Олеге, который опять купил не ту деталь. Алина ловила себя на том, что ей нечего добавить. Поездки и платья не подходили к этому разговору, а остальное в её жизни происходило тихо и незаметно даже для неё самой.

Перед отъездом она оставила в прихожей пакет с подарками. Марина заставила забрать обратно коробку дорогих сладостей: ребёнку нельзя много шоколада. Впервые за долгое время Алина почувствовала облегчение от отказа. Сестре не надо было нравиться через пакет.

В Зареченске у Марины начался ремонт. Муж, Олег, искал помещение под небольшой склад. Он прежде возил мебель и запчасти; теперь объяснял, что настоящее будущее в снабжении строительных компаний. За семейным ужином Виктор выслушал его, дал телефон помощника и сказал, что ничего не обещает.

Олег стоял рядом с ним на балконе, одинаково держал бокал и одинаково кивал. Алина заметила эту старательность и отвела глаза, чтобы не обидеть сестру.

Позже они с Мариной разбирали мамин шкаф. Сестра достала старую куртку Алины с мехом, который давно свалялся.

- А ты ведь её хотела на свадьбу мне надеть. Помнишь?

Алина помнила. Ей было четырнадцать, Марина выходила за Олега в столовой речного порта, отец с матерью занимали

деньги у соседей. Алина тогда плакала, потому что сестре покупали новые сапоги, а ей сказали ещё походить в старых.

- Я была душой.

- Ты была маленькая.

Марина положила куртку обратно. Они молчали, слушая, как на кухне Виктор смеётся над историей отца. Алина обняла сестру и сказала, что теперь может помогать всем.

- Помогай, - ответила Марина. - Только приезжай тоже.

Она произнесла это тихо. Алина услышала просьбу, но запомнила её как добрый совет, который можно выполнить позже.

Глава 7 Пропущенный звонок

Мать умерла не в тот день, к которому все готовились. Она много месяцев болела, лежала в хороших больницах, восстанавливалась дома; Виктор платил без обсуждений. В декабре ей стало лучше. Она попросила торт на Новый год и сказала Алине по телефону, что больше не хочет этих поездок, хочет сидеть у окна и видеть свой двор.

До этого был месяц в клинике. Однажды Алина задержалась и увидела, как мать с трудом поправляет простыню под ногой. Помогла. Мать извинилась.

- Мам, ну что ты.
- Марина вчера была. Опять с работы ушла. Ты ей скажи, чтоб не ездила каждый день.
- Я могу сиделку нанять.
- Хорошо. Только ты ей не говори: она обидится.

Мать попросила открыть тумбочку. Там лежали очки, три одинаковых пакета салфеток и маленькая записная книжка. Между страницами была фотография обеих дочерей возле школы. У Алины на макушке торчал огромный бант, Марина держала её за плечо так крепко, будто та собиралась сбежать.

- Ты чего её носишь? Есть же в телефоне.
- Эту видно лучше.

Алина подала очки. Держала мать за руку, пока та не задремала. Телефон вибрировал в сумке; она не доставала.

В коридоре ждала Марина с едой на завтра. Алина предложила отвезти её домой.

- Мне ещё в аптеку.

- Поедем в аптеку.

Сестра наконец согласилась. В машине уснула почти сразу. Алина смотрела на неё через зеркало и вдруг заметила красный след на переносице от дешёвых очков. Точно такой был у матери.

Она могла тогда спросить, как живёт Марина. Спросила, какие таблетки надо купить. Сестра, не открывая глаз, перечислила названия.

Алина собиралась приехать. Потом Виктор предложил провести январь у моря: он впервые мог освободить две недели целиком. Она купила матери новое кресло и отправила фотографию гостиничной террасы.

Ночью позвонила Марина. Алина спала, телефон заряжался в другой комнате. Утром увидела одиннадцать вызовов и короткое: «Мама умерла. Позвони».

На похороны она приехала в светлом пальто. Все смотрели на пальто, и ей хотелось снять его, но под ним было тонкое платье. Сестра поправляла венки, разговаривала с водителем, уговаривала отца поесть. Алина сидела на краю дивана, на котором мать всегда раскладывала чистое бельё, и впервые за много лет не знала, где в доме лежат полотенца.

- Что она сказала? - спросила Алина, когда они остались вдвоём.

Марина переставляла стаканы на подносе.

- Что за тортом надо завтра сходить. Чего ты ждёшь? Последнего напутствия?

- Не надо так.

Сестра поставила поднос слишком резко. Один стакан треснул.

- Я шесть раз тебе звонила из скорой. Ты спала. Я понимаю, ты не виновата. Но я тоже хочу когда-нибудь поспать.

Она прижала пальцы ко рту. Алина подошла, обняла её; Марина сначала напряглась, потом вдруг вся обмякла. Они долго стояли среди невымытых чашек. Никто не был прав настолько, чтобы стало легче.

Виктор прилетел на следующий день и увёз их отца к себе на месяц. Купил ему хорошую куртку, терпел рассказы про завод, однажды сам отвёз в гараж к знакомому механику. Отец вернулся другим человеком: он по-прежнему говорил, что богатым доверять опасно, но теперь добавлял, что люди везде разные.

Первую неделю отец просыпался в шесть и старался никого не будить. Алина находила его на кухне. Чайник он уже вскипятил, но стоял возле кофемашины и ждал, когда кто-нибудь объяснит, можно ли в неё налить обычную воду.

- Пап, она для этого и сделана.

- Вижу, что не для супа. Только куда тут наливать?

Она показывала. На следующее утро всё начиналось заново. Отец говорил, что забывает, хотя в гараже помнил

устройство мотора, который последний раз разобрал десять лет назад. Кажется, ему просто не хотелось оставаться одному раньше остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.